

ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ УПРОЩЕНИЯ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЫ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ КАТЕГОРИЙ «ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТЬ» И «СПРАВЕДЛИВОСТЬ»

Машинникова Наталья Олеговна,

адвокат НО «Удмуртская республиканская коллегия адвокатов»,
ассистент кафедры уголовного процесса и правоохранительной
деятельности Института права, социального управления и безопасности
ФГБОУ ВО «Удмуртский государственный университет».
(г. Ижевск, Россия)

Излишняя бюрократизация судебной системы длительное время является предметом дискуссий в юридических и политических кругах. Однако наиболее коротко и метко эту проблему осветил ещё Ш. Л. Монтескье, который указывал, что «для свободы необходимы судебные формальности: но число их может быть так велико, что они станут препятствовать целям тех самых законов, которые их установили. Дела будут длиться без конца... При этом граждане потеряют свободу и безопасность, обвинитель не будет иметь возможности доказать обвинение, а обвиняемый – оправдаться» [3]. Таким образом, вопрос упрощения уголовно-процессуальной формы был актуальным ещё в XIII веке. Упрощение уголовно-процессуальной формы всегда обуславливается целесообразностью, а именно снижением процессуальных и временных издержек. Однако всегда ли такая целесообразность гарантирует справедливость судебного разбирательства? Профессор З.З. Зинатуллин считает возможным рассматривать понятия «целесообразность» и «справедливость» применительно к уголовному судопроизводству в качестве синонимов [1], обуславливая это социально-психологической связью первого с понятием «усмотрение». При этом «целесообразность» рассматривается им как основание для применения судом при осуществлении правосудия относительно определённых уголовно-процессуальных норм по собственному усмотрению.

В уголовном судопроизводстве категорию справедливости принято рассматривать с позиции двух её основных функций:

- уравнивающей, которая находит своё выражение в основополагающем конституционном принципе «все равны перед законом и судом»;

- распределяющей, которая индивидуализирует наказание с позиции его соразмерности и эффективности.

При этом баланс двух перечисленных функций является правовым содержанием нравственной категории справедливости.

Любое процессуальное решение в уголовном судопроизводстве должно быть обоснованным. Таковым должно являться и решение о выборе уголовно-процессуальной формы при разрешении дела по существу. При этом любая уголовно-процессуальная форма, насколько бы упрощённой она не была, должна соответствовать назначению уголовного судопроизводства, закреплённому в ст. 6 УПК РФ.

Происхождение слова «целесообразность» в русском языке относится к XIII веку и является заимствованием с немецкого прилагательного *zweckmassig*, образовалось из слияния двух слов и использовалось в значении «соответствующий цели». Основной целью уголовного судопроизводства является законодательное обеспечение организации и осуществления деятельности по раскрытию преступлений, их предварительному расследованию и судебному разбирательству с тем, чтобы каждый виновный в совершении преступления понёс справедливое наказание, а ни один невиновный не был привлечён к уголовной ответственности, а незаконно подвергнутый такому преследованию был реабилитирован [4]. Следовательно, если реализация принятого судом по усмотрению обоснованного процессуального решения, сделанного в рамках предоставленных ему полномочий, соответствует целям и задачам уголовного судопроизводства, то такое решение является целесообразным и в целом справедливым. При таком толковании действительно можно допустить, что применительно к уголовному судопроизводству понятия «целесообразность» и «справедливость» являются синонимичными.

Таким образом, целесообразность при принятии судьёй решения по усмотрению должна исходить из возможности достижения целей и задач уголовного судопроизводства при минимально возможных процессуальных издержках, что в своей совокупности отражает эффективность правосудия в целом.

Рассуждая на тему закона и справедливости, Розарио Ливатино указывал, что долг судьи принимать решение, а в каждом решении есть выбор, поэтому, чтобы справедливо вершить правосудие, нужно руководствоваться совестью [2], то есть исполнять возложенные на судью обязанности добросовестно. Розарио Ливатино полагал, что степень

справедливости принятого судьёй решения прямо зависит от глубины внутренней осознанности им своих субъективных черт.

Упрощение уголовно-процессуальной формы имеет право на существование только в том случае, если позволяет суду, избежав существенных процессуальных и временных издержек, постановить по делу законный, обоснованный и справедливый приговор. Однако, зная об этой потенциальной возможности судья должен заранее, до момента принятия по поступившему к нему уголовному делу решения о порядке его рассмотрения по существу. Данное обстоятельство с точки зрения абстрактного истинного знания вызывает недоумение, поскольку достоверно знать о том, что приговор, постановленный лишь на материалах, собранных в ходе предварительного расследования, при отсутствии у суда возможности хотя бы выборочной, но самостоятельной проверки обоснованности предъявленного подсудимому обвинения будет соответствовать ст. 297 УПК РФ, невозможно. В связи с этим при принятии судом решения о рассмотрении поступившего к нему дела в упрощённом производстве его нравственные риски при постановлении по нему приговора существенно возрастают. С другой стороны, риск отмены такого приговора вышестоящей инстанцией стремится к нулю в силу положений ст. 317 УПК РФ, что существенно мотивирует судей на принятие решения об особом порядке судебного разбирательства при наличии любой такой возможности. Таким образом, увеличение нравственных рисков с лихвой компенсируется существенным снижением рисков процессуальных, что оказывает самостоятельное негативное влияние на данную проблему.

Любой приговор должен иметь возможность быть проверенным на соответствие его ст. 297 УПК РФ судом вышестоящей инстанции. Именно она полномочна дать заключение о том, что приговор, постановленный Именем Российской Федерации, является законным, обоснованным и справедливым. При этом указанная проверка должна проходить не только на предмет наличия существенных нарушений материального либо процессуального права при его постановлении, но и на предмет соответствия изложенных в нём выводов фактическим обстоятельствам.

Удивление вызывает то обстоятельство, что законодатель без какой-либо конкретизации вкладывает разное смысловое значение в п. 1 и п. 4 ст. 389.15 УПК РФ. При этом необходимо обратить внимание на то обстоятельство, что оговорка о том, какую именно справедливость имеет в виду законодатель в п. 4 ст. 389.15 УПК РФ, в законе отсут-

ствуется. Однако правоприменительная практика по непонятной причине трактует указанный пункт весьма узко и ограничивает его понимание несправедливостью вида и размера наказания.

Возникает вопрос, насколько может быть справедливым обвинительный приговор (поскольку оправдательный приговор при наличии в материалах дела согласия обвиняемого с предъявленным ему обвинением без исследования доказательств по такому делу постановить невозможно), если выводы, изложенные в мотивировочной части приговора, не соответствуют фактическим обстоятельствам произошедшего. Как мы уже указывали выше, справедливым является только тот приговор, который соответствует целям и задачам уголовного судопроизводства в целом, то есть приговор, согласно которому виновный в совершении преступления понёс справедливое наказание, а невиновный был реабилитирован. Юридическое содержание справедливости существенно шире, чем вопрос назначения наказания, и направлено на предотвращение осуждения невиновных, что в силу п. 4 ст. 389.15 УПК РФ в любом случае обязывает суд вышестоящей инстанции проверить приговор, постановленный в порядке ст. 316 УПК РФ, на предмет наличия события преступления, причастности к нему лица, осужденного по правилам главы 40 УПК РФ, а также на наличие в его действиях состава преступления, поскольку справедливым может быть только тот приговор, в котором не только установлены все перечисленные факты и обстоятельства, но и приговор, который дозволено проверить суду вышестоящей инстанции на предмет соответствия выводов суда о событии преступления, причастности к нему осужденного, а также его виновности в совершении данного преступления фактическим обстоятельствам. Открытость и доступность приговора для его полной и всесторонней проверки судом вышестоящей инстанции является обязательным признаком его законности, обоснованности и справедливости.

Однако несоответствие выводов суда первой инстанции фактическим обстоятельствам дела как факт несправедливости постановленного в особом порядке приговора в силу ст. 317 УПК РФ самостоятельным основанием для отмены такого приговора являться не будет, поскольку предметом проверки суда вышестоящей инстанции по данной категории дел не является, что ставит под сомнение правовую ценность такого судебного акта.

Можно резюмировать, что особый порядок судебного разбирательства при согласии обвиняемого с предъявленным ему обвинением в на-

стоящее время не в полной мере соответствует ст. 6 УПК РФ. Это обстоятельство обусловлено:

- дефектами юридической техники при конструировании норм главы 40 УПК РФ;
- недостатками правоприменительной практики при толковании и применении норм главы 40 УПК РФ.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зинатуллин, З. З. Риски в праве: пути решения : монография / З. З. Зинатуллин ; под ред. д.ю.н., проф. Л. Г. Татьяниной. – М. : Юрлитинформ, 2020. – С. 95.
2. Ливатино Розарио Анджело (итальянский судья, убитый Стиддой 21.09.1990 г.), Конференция «Вера и закон», 30 апреля 1986 года, Каникатти : <http://www.solfano.it/canicatti/fedeediritto.htm>.
3. Монтескье, Ш. Л. Избранные произведения / Ш. Л. Монтескье. – М., 1955. – С. 643.
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации. Постатейный научно-практический комментарий О. И. Цоколова, И. Б. Колческий [и др.]. – М., 2008. – С. 21.